

Дитюк А. А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «СЕПАРАЦИЯ»: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И БЛИЗКИЕ ПОНЯТИЯ

Опубликовано: Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 7. – МО.: СВИБТ, 2013. – С. 49-59

В середине XX века английский психоаналитик Джон Боулби разработал необычную для своего времени теорию, отходящую от основных положений психоанализа, и назвал её «теория привязанности». Согласно этой теории, человек, как и многие другие живые существа, обладает биологически заложенной «системой привязанности». Эта система активируется в ситуациях, субъективно оцениваемых как опасные. Когда угроза не может быть устранена собственными силами, запускается механизм так называемого «поведения привязанности». Тогда ребёнок обращается к хорошо знакомому и значимому человеку, например к матери или отцу, к которым испытывает особую «привязанность».

Новорождённый, а затем маленький ребёнок беспомощен и несамостоятелен, и поэтому взрослый человек, обеспечивающий ему защиту и заботу, а также испытывающий к нему привязанность, жизненно важен для малыша. Однако потребность в «надёжном убежище или безопасной гавани» другими словами – в надёжном человеке, который в опасных ситуациях обеспечил бы защиту и помощь, сохраняется на всю жизнь. У взрослых людей в ситуациях, субъективно оцененных как опасные, для борьбы с нарастающей тревогой также активируется сложившаяся в раннем детстве система привязанностей.

Однако, в отличие от ребёнка, взрослый человек более самостоятелен и должен научиться справляться с трудными жизненными задачами, в том числе и для обеспечения безопасности своему собственному потомству. Для этого необходимо решить важную проблему: отделиться от заботящихся взрослых, родительской семьи, т. е. пережить сепарацию, справившись с возникающей при этом сепарационной тревогой.

Однако в процессе сепарации важно найти баланс: с одной стороны отделиться настолько, чтобы научиться быть самостоятельным, с другой стороны – сохранить при этом эмоциональную связь между поколениями.

В современной психологии много внимания уделялось и уделяется изучению понятия привязанности, но гораздо меньше – процессу сепарации. В данной статье нам важно как осветить историю изучения данного понятия, так и попытаться соотнести его с понятием «привязанность».

Понятие сепарации в рамках теории привязанности. Согласно Дж. Боулби, система привязанности представляет собой первичную,

генетически закреплённую мотивационную систему, которая активируется между первичным значимым лицом и младенцем сразу после его рождения и имеет функцию обеспечения выживания.

Младенец особенно нуждается в близости с матерью, когда испытывает тревогу или страх. Это может происходить, например, когда он оказывается в незнакомых ситуациях или чувствует себя разлучённым с матерью. Близость к ней даёт малышу защиту и ощущение безопасности.

Дж. Боулби считает, что мать и младенец входят в некую саморегулирующуюся систему, части которой взаимообусловлены. Привязанность между матерью и ребёнком в рамках этой системы отличается от «отношений» тем, что «привязанность» понимается лишь как часть комплексной системы отношений.

Однако потребности малыша в защите и безопасности, в надёжной привязанности, противостоит его потребность в сепарации, приобретении всё большей независимости от заботящегося взрослого. В первые годы жизни сепарационные процессы выражаются в исследовательской деятельности малыша, потребность в которой Дж. Боулби назвал мощной мотивационной системой для психического развития ребёнка. Хотя система привязанности и исследовательская система возникают из противоположных мотиваций, между ними существует определённая взаимозависимость [1, 2].

По Дж. Боулби, младенец может изучать своё окружение, а также выдерживать тревогу и страх во время разлуки с матерью прежде всего тогда, когда он опирается на мать как на надёжную эмоциональную базу. Таким образом, надёжная привязанность является условием того, чтобы младенец мог изучать окружающий его мир и при этом познавать себя в нём как самостоятельную и эффективно действующую личность. Другими словами, качество привязанности влияет на успешность протекания сепарации, на совладание с сепарационной тревогой.

Мы рассматриваем процесс сепарации как процесс взросления, становления индивидуации человека, как движение к автономии-самостоятельности.

Понятия «привязанность» и «сепарация» в различных психотерапевтических школах. Теоретические рассуждения о важности привязанности и сепарации были известны и до того, как Дж. Боулби сформулировал свою теорию. У многих представителей разных теоретических школ есть собственные концептуальные представления о важности привязанности и сепарации. Рассмотрим, что говорят об этом некоторые психологические теории.

Психодинамические модели

Классический психоанализ З. Фрейда, в основе которого лежит теория влечений, объясняет возникновение привязанности между матерью и младенцем удовлетворением оральных и эмоциональных потребностей ребёнка, когда мать кормит его грудью. На первый план выходит либидозное оральное удовлетворение [5]. Значение потери и расставания (и, следовательно, сепарации) З. Фрейд отмечает в своём известном труде

«Печаль и меланхолия» [5]. Автор считает, что стадия горя от потери любимого человека с обязательной психической работой печали обусловлена тем, что наша эмоциональная связь с любимым и выросшая из неё интрапсихическая, эмоционально окрашенная энергетическая нагруженность образа этого человека должны быть постепенно отведены от него, чтобы после его потери мы действительно могли психически отделиться и тем самым эмоционально оторваться от него (т. е. «сепарироваться»). В своём произведении «Торможение, симптом и тревога» [5] З. Фрейд рассматривает страх разлуки, сепарации, который ребёнок испытывает при угрозе реальной потери матери или при воображаемом расставании с ней. Автор высказывает предположение, что ребёнок начинает испытывать тревогу, представляя себе, что его «напряжение, связанное с удовлетворением потребностей», в отсутствие матери сильно возрастет и что из-за страха не получить удовлетворения он может оказаться в «бессильном», «обморочном» состоянии.

Анна Фрейд [4] писала, что «принцип удовольствия управляет всеми психическими процессами незрелой и недостаточно структурированной личности, в том числе, конечно, и привязанностью к матери» [4, с. 1779]. Согласно её точке зрения, привязанность младенца к матери возникает в результате «влияния ухаживающего поведения матери на его душевную жизнь, то есть на переживания удовольствия и неудовольствия, связанными с первичными инстинктивными реакциями и образующие их психический репрезентант» [4, с. 1779]. Она исходит из «первичных отношений с матерью по опорному типу», «то есть такой стадии, на которой ощущения, вызывающие удовольствие и связанные с удовлетворением важных потребностей тела, приводят либидо к эмоционально окрашенной энергетической наполненности какого-либо человека во внешнем мире» [4, с. 1779]. Что касается сепарации и переживания «боли разлуки» у ребёнка, Анна Фрейд предполагает, что эмоциональная энергетическая наполненность и аффективное значение матери должны достичь «константности объекта», а ребёнок должен стать до некоторой степени независимым от непосредственного удовлетворения потребностей. Если этого не происходит, мать сохраняет высокую степень либидозной значимости для малыша, то расставание с ней переживается как крайнее неудовольствие и приводит к сильной тоске. При довольно продолжительной разлуке на первый план начинает выходить агрессивная сторона, которая в виде амбивалентности присутствует в любых отношениях.

Несмотря на основополагающую раннюю работу Зигмунда Фрейда, теоретическое осмысление тематики расставания, разлуки, сепарации, потери, печали и горя отошло, скорее, на второй план, по сравнению со значением сексуальности в его психоаналитическом учении.

Анне Фрейд удалось провести широкомасштабные наблюдения за последствиями потери родителей и сепарации в первые годы жизни детей, которые осиротели и стали бездомными во время войны. Вместе с Дороти Берлингом она описала реакции этих детей на расставание, в том числе и со

значимыми лицами, заменившими им мать. Анна Фрейд объясняла наблюдаемые реакции детей в рамках популярной психоаналитической теории влечений и отвергала подход Дж. Боулби, основанный на теории привязанности [5].

Модель теории научения

В поведенческой терапии не было сформулировано какого-либо особого взгляда на развитие поведения привязанности и сепарации. Однако с точки зрения теории научения легко объяснимо, почему дети с самого рождения регулируют свою близость и дистанцию с важнейшим референтным лицом через процессы обучения, а также подкрепление или отрицательные последствия. Знакомство с этими процессами происходит через многочисленные эпизоды взаимодействия между матерью и ребёнком, в которых мать точно сигнализирует, какую близость со своим младенцем и какую дистанцию с ним она хочет установить, что и откладывается в памяти младенца как аффективно-когнитивная схема.

Это касается также поведения ребёнка во время разлуки (сепарации) и исследовательской деятельности. Мать реагирует на импульсы ребёнка при расставании или ободряюще, или с тревогой, а младенец таким образом узнаёт, что отдаление до определённой дистанции разрешено, что оно допускается матерью или же приводит к негативным последствиям. Ребёнок, ориентируясь на поведение матери, узнаёт из её моделей поведения, насколько важны для неё отношения привязанности, близости и дистанцирования.

Клаус Граве, разрабатывая свою теорию психологической терапии [8], также опирается на Дж. Боулби и описывает потребность в привязанности как детерминанту переживания и поведения, важную для понимания причин действенности психотерапии. Он описывает подход к лечению пациентов, базирующийся на привязанности [8].

Модели, основанные на теории систем

Теория систем содержит положение о том, что в семье возникают явные и невидимые связи между отдельными её членами, которые управляют как социальными взаимодействиями между членами семьи, так и семейным гомеостазом в целом. Возможность высвободиться из этого хитросплетения привязанностей зависит от того, каким образом семейная система реагирует на расставание с отдельным членом семьи. Поскольку развитие автономии ребёнка (например, сообщение молодого человека о намерении покинуть родительский дом) грозит дестабилизацией всей системы (потому что после отделения могут стать заметными психологические особенности отдельных членов семьи), вся семья будет пресекать импульсы ребёнка, направленные на сепарацию, или применять к нему определённые санкции [7, 9].

Мюррей Боуэн, автор теории семейных систем, для обозначения качества сепарации вводит понятие «дифференциация Я», подразумевая под ним способность быть отдельной личностью, будучи связанной с окружающими. Другими словами – способность сепарироваться (отделиться, быть независимым), оставаясь при этом в отношениях. М. Боуэн пишет о

важности дифференциации между чувствами и интеллектом. Степень дифференцированности Я человека будет определяться тем, в какой степени он в состоянии различать процессы, связанные с чувствами и интеллектуальные процессы. Чем меньше уровень дифференциации Я у человека, тем менее он способен различать такие процессы и тем больше «эмоциональные преграды» будут затруднять процесс его сепарации [6].

В теории семейных систем считается, что базисный уровень дифференцированности личности обусловлен предшествующими поколениями и родителями, с которыми вырос человек. Чем больше жизнь контролируется эмоциональной системой, тем более она следует всем формам инстинктивного поведения, несмотря на все рациональные попытки человека объяснить свое поведение. При высоком уровне дифференцированности Я влияния эмоциональной системы тоже присутствуют, но интеллект автономен в достаточной степени, чтобы принимать решения независимо от эмоционального состояния [3].

В зависимости от уровня дифференциации Я, М. Боуэн разделил всех людей на четыре группы [6] и описал некоторые присущие им особенности:

1) 0 – 25 % - слияние. Недифференцированная эго масса семьи (или общества). Не отличают чувства от фактов. Полностью ориентированы на отношения. Вся энергия уходит на поиски любви, одобрения, поддержания отношений в гармонии. На жизненные цели энергии нет. Если одобрения не находят, то уходят в себя или борются с системой отношений, в которой их не полюбили. Жизненно важные решения принимают на основе текущего чувства; пытаются привести систему отношений в состояние баланса, ощутить комфорт и избавиться от тревоги. Не способны поставить конкретных отдаленных целей, кроме как «хочу быть счастливым» и так далее. Зависимы от родителей, затем ищут такую же систему отношений, в которой смогут почерпнуть достаточно сил, чтобы функционировать. Не могут адаптироваться; часто имеют проблемы со здоровьем, социальные и финансовые сложности, которые носят хронический характер.

2) 25 – 50 % - умеренная дифференциация Я. Начало дифференциации эмоциональной и интеллектуальной систем. Жизнь подчинена эмоциональной системе, но жизненные стили более гибки. Если тревога низкая, функционируют как при высокой дифференциации Я, если высокая – как при слабой. Ориентированы на отношения. Большая часть энергии уходит на поиск любви и одобрения. Чувства выражают более открыто, чем на первом уровне. Ориентированы на то, что подумают другие, стремясь завоевать друзей и одобрение; самооценка зависит от других. Успех в работе зависит и достигается с помощью статуса в отношениях, а не за счет качества самой работы. Интеллект в приложении к вещам, не касающимся человека, его личности, отношений и т. д. может быть хорошо развит. Интеллект в приложении к личным вопросам недостаточно развит, и в их личной жизни царит хаос. Здесь находятся прилежные ученики и революционеры. Революционер восстает против существующей системы, но ему нечего предложить взамен. Крайний вариант открытых чувств. Они хотят

эмоциональной близости и прямой коммуникации чувств. Они открыто эмоционально зависимы от другого, очень чувствительны, воспринимают настроение, проявления и позицию другого и отвечают открыто, прямо выражая чувства или действуя импульсивно. Всю жизнь ищут идеальных близких отношений. Находят слияние, реагируют дистанцированием и отчуждением, что затем стимулирует следующий цикл поисков близости или депрессию и отчуждение. Демонстрируют большое количество проблем: полный набор физических болезней, эмоциональных болезней и социальных дисфункций. Эмоциональные расстройства включают: внутренние проблемы невротического уровня, депрессию, расстройства поведения и нарушения характера. Склонны к алкоголизму и наркомании, чтобы снизить тревогу. Демонстрируют импульсивное, безответственное поведение.

3) 50 – 75 % - хороший уровень дифференциации Я. Интеллектуальная система достаточно автономна. При возрастании тревоги не подчиняются эмоциональной системе. В период низкой тревоги применяют логическое мышление, чтобы развить убеждения, взгляды и принципы, которые они затем используют в моменты высокой тревоги и паники для контроля над эмоциональной системой. Дифференциация Я имеет здесь тонкую градацию: от людей, которые знают, что есть лучший выход и способ действия, но их интеллект плохо сформирован, и они все равно ведут себя подобно людям на втором уровне – до людей, которые контролируют свою эмоциональную систему. Свобода повышается. Эти люди больше не пленники чувственно-эмоционального мира. Могут расслабиться и отдать контроль эмоциональной системе в отдельные периоды жизни, но если возникнут проблемы, контроль вновь передается интеллекту, тревога снижается, и кризиса удастся избежать. Менее ориентированы на отношения. Имеют долгосрочные цели в жизни. Меньше зависят от того, что думают другие. Способны твердо стоять на своих собственных убеждениях, не имея необходимости нападать на убеждения других и защищать свои. Адекватная самооценка. Хорошо развиты копинг-стратегии.

4) 75 - 100% - уровень дифференциации Я скорее гипотетический, чем реальный. М. Боуэн утверждает, что чем выше дифференциация Я, тем лучше человек функционирует в социуме. Такие люди более гибки и адаптивны к стрессам.

В отечественной литературе системный семейный психолог Анна Варга [3] описывает сепарацию как долговременный процесс психического отделения ребёнка от своих родителей, семьи. Варга условно выделяет основные этапы сепарации, не ограничиваясь периодом детства:

- появление ребёнка на свет;
- самостоятельные переживания ребёнка;
- посещение детских учреждений;
- подростковый кризис;
- самостоятельная взрослая жизнь.

А. Варга высказывает предположение, что незавершённость сепарационных процессов значительно снижает уровень жизненного функционирования человека [3]. Эмпирически проверить данные предположения и предстоит нам в будущем исследовании.

Данный краткий обзор показывает, что в различных психологических теориях и школах психотерапии сложились разные мнения о структуре и значении привязанностей, а также о влиянии сепарации на отношения между ребёнком и значимым взрослым. Причём в отдельных теориях обнаруживаются параллели: или сходство с теорией привязанности, или даже явные ссылки на Дж. Боулби, - но, с другой стороны, имеются также и принципиальные различия.

Различия между психодинамически ориентированными школами и теорией привязанности состоят в том, что психоанализ опирается на теорию влечений, а теория привязанности основывается на теории мотивационных систем.

Кроме того, в психоаналитических теориях считается, что отношения матери и ребёнка вначале имеют вид недифференцированной матрицы, в которой преобладают психические процессы слияния. Самость и объект первично недифференцированы. В процессе дальнейшего развития ребёнка репрезентанты самости и объекта должны интрапсихически выделиться из этой матрицы, чтобы стала возможна психическая сепарация и индивидуация.

В теории систем наиболее полно описана сепарация во взрослом возрасте, выражающаяся в понятии «дифференциация Я», введённым М. Боуэном.

Подводя итог, можно отметить, что в психологической науке много внимания уделялось и уделяется изучению понятия привязанности, но гораздо меньше – процессу сепарации. Рассмотрение феномена сепарации в психологии происходит применительно к периоду раннего детства и ограничивается им. Данных о дальнейшей сепарации крайне мало, они носят преимущественно описательный характер. Вместе с тем, многие практикующие психологи и исследователи указывают на наличие взаимосвязи между протеканием сепарации и успешностью социального функционирования человека в обществе. Однако эти данные носят описательный характер, не подтверждённый специальными исследованиями.

Вышеперечисленные причины раскрывают важность и актуальность дальнейшей разработки понятия «сепарация», а также научных исследований сепарационных процессов.

Литература:

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.

3. Бейкер К., Варга А. Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. 2-е изд. М.: Когито-центр, 2008.
4. Бриш К. Х. Терапия нарушений привязанности. От теории к практике. М.: Когито-центр, 2012.
5. Фрейд З. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2012.
6. Хамитова И. Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001, № 3 (сентябрь).
7. Ainsworth M. D. S., Witting B. A. (1969). Bindungs und Explorationsverhaltensverhalten eines einjährigen Kindes in einer Fremden Situation. In: K. E. Grossman and K. Grossman. Bindung und menschliche Entwicklung. Stuttgart: Klett-Gotta 2003, 112-145.
8. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Ed. 4. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1994.
9. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Ed. 3. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1980.
10. Birmaher B., Khetarpal S., Brent D., Cully M., Balach L., Kaufman J., et al. The Screen for Child Anxiety Related Emotional Disorders (SCARED): scale construction and psychometric characteristics. J. Acad. Child Adolesc. Psychiatry, 1997; 36: 545-553.
11. Boyce P., Parker G. Development of a scale to measure interpersonal sensitivity. Aust. NZ. J. Psychiatry, 1989; 23: 341-351.
12. Brisch K. H., Hellbrügge T. (2009). Wege zur sicheren Bindung in Familie und Gesellschaft. Stuttgart: Klett-Cotta, S. 12-51.
13. Chambers W., Puig-Antich J., Hirsch M., Paez P., Ambrosini P., Tabrizi M., et al. The assessment of affective disorders in children and adolescents by semistructured interview: test-retest reliability of the schedule for affective disorders and schizophrenia for school-age children, present episode version. Arch. Gen. Psychiatry, 1985; 42: 696-702.
14. Crabtree B., Miller W. A qualitative approach to primary care research: the long interview. J. Fam. Med., 1991; 23: 145-151.
15. Feeney J., Noller P., Hanrahan M. Assessing Adult Attachment. In: Sperling M., Berman W. (eds). Attachment in Adults. New York, NY: Guilford Press, 1994: 128-152.
16. First M., Spitzer R., Gibbon M., Williams J. Structured Clinical Interview for DSM-IV Axis I Disorders-Clinician Version (SCID-CV). Washington, DC: American Psychiatric Press, 1997.
17. George C., Kaplan N., Main M. The Berkeley Adult Attachment Interview. Unpublished protocol. Berkeley, CA: Department of Psychology, University of California, 1985.
18. Gilbert P., Allan S., Trent D. A short measure of social and separation anxiety. Br. J. Med. Psychol., 1996; 69: 155-161.

19. Grossmann K., Grossmann K. E., Kindler H., Zimmermann P. (2008). A wider view of attachment and exploration: The influence of mothers and fathers on the development of psychological security from infancy to young adulthood. In J. Cassidy & P. R. Shaver (Eds.), *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. 2nd Ed. Chapter 36 (pp. 857-879). New York: Guilford Press.
20. Hansberg H. *Adolescent Separation Anxiety Test*. New York, NY: Krieger, 1980.
21. Hansberg H. *Adolescent Separation Anxiety: Separation Disorders*. Vol. 2. New York, NY: Krieger, 1980.
22. Hock E., McBride S., Gnezda T. Maternal separation anxiety: mother-infant separations from the maternal perspective. *Child Devel.*, 1989; 60: 793-802.
23. Hsiao J., Bartko J., Potter W. Diagnosing diagnoses. Receiver operating characteristic methods and psychiatry. *Arch. Gen. Psychiatry*, 1989; 46: 664-667.
24. Kendler K., Davis C., Kessler R. The familial aggregation of common psychiatric and substance use disorders in the National Comorbidity Survey: a family history study. *Br. J. Psychiatry*, 1997; 170: 541-548.
25. Kessler R., McGonagle K., Zhao S., Nelson C., Hughes M., Eshleman S., et al. Lifetime and 12-month prevalence of DSM-152 MANICAVASAGAR ET AL III-R psychiatric disorders in the United States: results from the National Comorbidity Survey. *Arch. Gen. Psychiatry*, 1994; 51: 8-19.
26. Manicavasagar V., Silove D. Is there an adult form of separation anxiety disorder? A brief clinical report. *Aust NZ J Psychiatry* 1997; 31: 299-303.
27. Manicavasagar V., Silove D., Curtis J. Separation anxiety in adulthood: a phenomenological investigation. *Compr. Psychiatry* 1997; 38: 274-282.
28. Manicavasagar V., Silove D., Curtis J., Wagner R. Continuities of separation anxiety from early life into adulthood. *J. Anxiety Disord.* 2000; 14: 1-18.
29. Manicavasagar V., Silove D., Rapee R., Waters F., Momartin S. Parent-child concordance for separation anxiety: a clinical study. *J. Affect. Disord.* 2001; 65: 81-84.
30. Manicavasagar V., Silove D., Wagner R., Hadzi-Pavlovic D. Parental representations associated with adult separation anxiety and panic disorder-agoraphobia. *Aust. NZ. J. Psychiatry*, 1999; 33: 422-428.
31. March J., Parker J., Sullivan K., Stallings P., Conners C. The Multidimensional Anxiety Scale for Children (MASC): factor structure, reliability, and validity. *J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry*, 1997; 36: 554-565.
32. Myers J., Weissman M., Tischler G., Holzer C., Leaf P., Orvaschel H., et al. Six month prevalence of psychiatric disorders in three communities. *Arch. Gen. Psychiatry*, 1982; 41:959- 967.
33. Ollendick T, Mattis S, King N. Panic in children and adolescents: a review. *J. Child Psychol Psychiatry*, 1990; 35: 113-134.
34. Puig-Antich J. Affective disorders in childhood. *Psychiatr. Clin. North. Am.* 1980; 3: 403-424.

35. Robins L. Reflections on testing the validity of psychiatric interviews. *Epidemiology*, 1985; 42: 918-924.
36. Robins L., Helzer J., Croughlen J., Ratcliffe K. National Institute of Mental Health Diagnostic Interview Schedule: its history, characteristics and validity. *Arch. Gen. Psychiatry*, 1981; 38: 381-389.
37. Robins L., Helzer J., Weissman M., Orvaschel H., Gruenberg E., Burke J. Jr, et al. Lifetime prevalence of specific psychiatric disorders in three sites. *Arch. Gen. Psychiatry*, 1984; 41: 949-958.
38. Robins L., Wing J., Wittchen H., Helzer J., Babor T., Burke J., et al. The Composite International Diagnostic Interview. An epidemiological instrument suitable for use in conjunction with differing diagnostic systems and in different cultures. *Arch. Gen. Psychiatry*, 1988; 45: 1069-1077.
39. Shaffer D., Fisher P., Piacentini J., Schwab-Stone M., Wicks J. Diagnostic Interview Schedule for Children (DISC- 2.1C). Child Version. New York, NY: Department of Child Psychiatry, New York State Psychiatric Institute, 1989.
40. Silove D., Manicavasagar V., Curtis J., Blaszczynski A. Is early separation anxiety a risk factor to adult panic disorder? A critical review. *Compr Psychiatry* 1996; 37: 1-14.
41. Silove D., Manicavasagar V., O'Connell D., Blaszczynski A., Wagner R., Henry J. The development of the Separation Anxiety Symptom Inventory (SASI). *Aust. NZ. J. Psychiatry*, 1993; 27: 477-488.
42. Silverman S., Nelles W. The Anxiety Disorders Interview Schedule for Children. *J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry*, 1988; 27: 772-778.
43. Swets J. Measuring the accuracy of diagnostic systems. *Science*, 1988; 240: 1285-1293.
44. Velandia M, Matthisen A. S., Uvnäs-Moberg K., Nissen E. Onset of vocal interaction between parents and newborns in skin-to-skin contact immediately after elective cesarean section. *Birth*. 2010; 1: 12-17.
45. World Health Organisation. The ICD-10 Classification of Mental and Behavioural Disorders. Geneva, Switzerland: WHO, 1992.